

СЕРГЕЙ ГЕНЕРАЛОВ
ВЛАД МАКСИМОВ

Игра в детектив

РОМАН-КРУИЗ

Сергей Генералов

Игра в детектив

«Издательские решения»

Генералов С.

Игра в детектив / С. Генералов — «Издательские решения»,

Начало 90-х. Теплоход «Россия» совершает круиз по Средиземному морю. Неожиданно на борту происходит убийство. Потом еще. Пассажиры оказываются участниками головокружительных приключений и...Никто из вас не сможет предсказать развитие событий, а тем более финал этой истории!Некоторые узнают много интересного о колоритных 90-х годах прошлого века.А кое-кто, возможно, даже увидит в теплоходе образ России, которая «так же вечно кружит по одному и тому же кровавому маршруту вокруг Европы...».

© Генералов С.

© Издательские решения

Содержание

История первая	6
1. Что-нибудь, да случится	7
2. Кто бы мог подумать?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Игра в детектив
роман-круиз
Сергей Генералов
Влад Максимов**

© Сергей Генералов, 2016

© Влад Максимов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История первая

Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер.

М. А. Булгаков.

«Мастер и Маргарита».

1. Что-нибудь, да случится (ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ)

Тихая сентябрьская ночь стремительно опустилась на легендарное море древних греков и укутала безбрежное морское пространство торжественной тишиной. Казалось, только-только припекал солнечным жаром утомительный день, но вот уже вспыхнул и померк багровый закат в полнеба, вот уже стемнело, и зажглись, словно в московском планетарии, миллионы звезд. А наметившийся было размеренный вечерок с неторопливым послеобеденным бризом, так приятно смягчавшим полуденный зной, просто не поместился в эту извечную ежедневную круговерть! День сразу сменился ночью. Природа словно бы торопливо одернула – эй, тише вы там! Тише! Хватит уже! И всё послушно замерло под звездами... В этой тиши, сверкая огнями всех своих палуб, шел беспечно навстречу древнему Пирею круизный теплоход «Россия». И движение его весьма заметно оживляло ночное торжество вечности.

Если бы в эту чудную тихую ночь какая-нибудь редкая ночная птица долетела бы до середины Эгейского моря, сделала бы пару кругов над теплоходом и села бы на мачту у открытой кормовой площадки – она вполне могла бы услышать приглушенное ритмичное буханье музыки. Это почтенная публика, не обращая внимания на торжество вечности и не задаваясь главными вопросами жизни, вселенной и всего такого, проводила время морского круиза в ресторане. Едва ли ночная птица задержалась бы надолго на этом самодвижущемся островке из холодного металла со странным названием «Россия». Помедлив минуту-другую, она, скорее всего, неслышно вспорхнула бы и отправилась дальше по своим делам. Но, кажется, это как раз вполне подходящий момент, чтобы начать нашу историю.

Итак.

Ресторан, располагавшийся чуть ниже открытой кормовой площадки, представлял собою довольно большой зал и в обычное время здесь столовались пассажиры второго и третьего классов. Но к вечеру все преобразалось – зал погружался в полумрак, софиты выхватывали яркими лучами небольшую сцену и столики расступались, освобождая место танцующим. Для полноты картины стоит заметить, что ресторан назывался «Москва» и это, безусловно, добавляло колорита. То и дело отдыхающие и путешествующие усмехались и не без ехидства замечали, что «Москве» как раз самое место в кормовой части «России» и не удивительно, кстати, что она оказалась рестораном...

Что характерно – в последние пару дней по никому не известной причине в ресторане перестала работать часть кондиционеров. Скорее всего, просто вследствие изношенности всей системы (шутка ли – уже почти восемь лет прошло с последнего ремонта теплохода в 85 году!). Но у команды всё не хватало ни рук, ни средств привести систему в порядок, а у почтенной публики как-то не возникало желания по этому поводу возмущаться, словно бы команда и пассажиры существовали в совершенно разных параллельных пространствах.

Вот и сегодня, несмотря на духоту, в «Москве» было шумно и многолюдно. Музыканты на сцене старательно выводили какую-то удивительно безликую мелодию, световая установка не особенно затейливо раскрашивала их стандартным набором цветов, а зеркальный шар под потолком покрывал зал белыми бликами.

Почти все столики были заняты:

В дальнем углу сдержанно веселилась компания «челноков», обмывая водкой будущие прибыли. Завтра у них намечался ответственный день, и обильные возлияния должны были расположить к ним сразу всех богов, покровительствующих торговле. Для русского человека характерна несколько извращенная трактовка язычества.

Эмоции людей торговых сдерживались присутствием не в меру веселых парней явно криминального типа, пировавших у самой сцены. Крепкие ребята, не отягощенные интеллектуаль-

ными разговорами и излишне интеллигентными манерами, чувствовали себя вполне вольготно на теплоходе. Впрочем, они привыкли чувствовать себя так везде. Такое уж наступило время.

В зале, конечно, были и люди серьезные, которые оказались здесь именно с желанием отдохнуть от дел. Хозяева жизни. Во всяком случае, так о себе они думают сами. Отдыхают такие люди, как правило, в небольшой компании, стараясь не привлекать к себе внимания.

Некоторое же количество рядовых туристов погоды не делало и сидело тихо-мирно.

В общем, вполне нормальная, привычная для всех обстановка царила в этом центре круизной жизни. Конферансье, начисто лишенный какого-либо азарта, отпускал равнодушные остроты и даже не делал пауз для аплодисментов, прекрасно понимая, что их не будет, а потом снова предоставлял место на сцене музыкантам.... И, о Боже! Какая духота! Воздух словно слипся и стал осязаем, как перед сильной грозой. Казалось, прямо из зеркального шара под потолком вот-вот сверкнет молния, долбанет оглушительный гром, выдавливая с хрустом оконные стекла и на посетителей ресторана хлынут потоки холодного ливня. Но ничего похожего не происходило. Перед глазами по-прежнему проплывали официанты, которых почему-то звали гарсонами, и их белоснежные курточки оттеняли по банному красные недовольные лица.

Около самой эстрады в этот вечер расположилась ничем не примечательная на первый взгляд компания. Её главой без ошибки можно было назвать джентльмена лет пятидесяти, худого и флегматичного. В глазах джентльмена явно читалась некоторая усталость, вызванная переизбытком (или, как любят выражаться в их круге, передозировкой) проблем и неприятностей, но выбрит он был гладко, а одет аккуратно. Даже здесь его внешний вид не потерял ни свежести, ни солидности. Джентльмен курил короткую трубку и от этого вокруг висел сладкий запах ванили. Звали джентльмена Альберт Сергеевич Ковец.

Напротив него развалился на стуле совершенно изможденный духотой парень. Тусклое лицо и короткая шея, покрытая крупными каплями пота, коротко стриженные волосы и крепкая фигура боксера роднили его с веселящимися неподалеку личностями криминального типа и явно указывали на принадлежность к сфере охраны. Так оно и было – Костя Обухов выполнял функции личного телохранителя Альберта Сергеевича. И что любопытно: в углу Костиного рта красовался короткий шрам, совершенно не уместный, но такой типичный. Видимо, для того чтобы стать телохранителем солидного человека, претенденту необходимо пройти процедуру разрывания рта. Сдать своего рода профессиональный экзамен.

По левую руку от Альберта Сергеевича Ковца, подперев милое личико руками, сидела девушка лет двадцати. Звалась девушка Полиной и была она дочерью Альберта Сергеевича. Духота мучила Полину значительно меньше, чем остальных, поскольку на ней было лёгкое шёлковое платье с глубоким декольте на спине. Платье это, надо признаться, так удачно облегло чудесную молодую фигуру, что при каждом движении невольно подчёркивало её пленительную гибкость. Совершенно нельзя было ошибиться: каких-нибудь семь лет назад она представляла собой тот самый тип девочек, что напрочь свернули мозги набоковскому Гумберту-Гумберту. Эдакий соблазнительный гадкий утёнок, только хорошеющий с годами. Сейчас лицо её с чуть вздёрнутым носиком и изумрудными глазами под копной светло-русых волос выражало смертельную скуку – молодость требовала действия, а её компанию к этому времени уже разморило окончательно.

К тому же четвёртый участник компании – молодой человек, сидевший напротив Полины – был не из тех, кто способен привлечь внимание девушки. Одетый в светлую рубашку, расстёгнутую до пупа, да так что явственно виднелось заметное брюшко, он вёл неспешный разговор с Альбертом Сергеевичем Ковцом. Его очки в золотой оправе поблёскивали на свету и постоянно сползали по мокрому носу, а когда он сдвигал их обратно, стёкла касались бровей и вниз медленно скатывались капельки пота, прямо по бледному лицу и синеве выбритых щек. Короткие курчавые тёмные волосы и тонкие усы дополняли безрадостную картину.

«Человек этот был моложе своего собеседника с трубкой и явно принадлежал к людям деловым» – такой лаконичной фразой вполне можно было бы ограничиться, пожелай мы вкратце охарактеризовать четвёртого участника компании, поскольку кроме дел молодого человека ничего не интересовало. Полное отсутствие лирики и романтики... Нет, определённо, такие не нравятся впечатлительным девушкам. Такие привлекают расчётливых женщин. Звали же молодого человека Вадим Щукин. Просто Вадим Щукин без всякого отчества и был он компаньоном Ковца.

Что привело этих людей на борт теплохода, бороздящего Эгейское море по пути к порту Пирей? Что заставило их решительно покинуть Москву и что их ждёт дальше? Скажем, в том же самом порту Пирей? Казалось бы, простые вопросы! Но пока что, к началу одиннадцатого вечера, никто не смог бы ответить на них...

Конферансье объявил следующий номер ночной развлекательной программы и удалился с плохо скрываемым раздражением.

– ...поэтому кредитные ставки не могут вырасти настолько, чтобы помешать нам, – закончил фразу Щукин.

– Угу, – Альберт Сергеевич задумчиво выпустил клуб душистого ярко-синего дыма.

Похоже, разговор не был интересен никому, кроме самого Щукина. Полина вертела в руках бокал с отвратительно тёплым шампанским и вяло размышляла куда бы его выплеснуть. А Костя Обухов практически совсем уснул. Его тело медленно, но верно сползало по стулу, стремясь принять горизонтальное положение. Тем временем музыканты закончили номер, вперед выдвинулся саксофонист и конферансье объявил серию медленных танцев. При этом он произнёс какую-то совсем уж убогую фразу: «Дамы могут пригласить кавалеров и наоборот». После чего удалился.

Грянула музыка.

Полина решительно отставила бокал. Сидеть за столом дальше было выше её сил. Лучше уж завязать лёгкую интригу с каким-нибудь очаровательным словоохотливым шатеном. Вот ведь какое приятное слово: «шатен». Мягкое. Куда приятней, чем «брюнет» или «блондин». Еще с детства Полине казалось, что первое напоминает «крем-брюле», а от второго веет чем-то блошиным. Альберт Сергеевич встрепенулся и заботливо посмотрел на дочь.

– Может, потанцуешь?

– С кем? – Полина бросила критический взгляд на своих соседей по столику. – Ты же не танцуешь.

– Со мной, например, – подал голос Щукин, поправил очки и изобразил на лице не очень убедительную улыбку.

– Иди, что зря сидеть, – ласково подтолкнул отец.

Полина вздохнула и поднялась. Видимо, ей не очень понравилась эта идея, но не устраивать же скандал? Довольный Щукин тут же последовал за ней и они принялись вяло топтаться неподалёку, не очень пытаясь попасть в такт музыке. Мелодия была тихой и на удивление приятной. Её явно вытаскивал бархатный голос саксофона.

– Полин, почему такое пренебрежение? – спросил Щукин.

– Какое пренебрежение? – излишне удивлённо переспросила Полина, мельком взглянув на сползающие очки.

– Ко мне.

Девушка недовольно нахмурилась, но Щукин этого не заметил.

– Не очень-то ты хотела танцевать со мной. – продолжил он, стараясь прижаться как можно плотнее. – А почему? Ведь мы с тобой такая удачная пара, разве нет?

Полина снова взглянула на своего партнёра. Теперь ей стало смешно.

– Нет, – сказала она, улыбнувшись, и решительно отодвинула Щукина на прежние позиции. – Не липни, и так духота невыносимая.

Другой бы на его месте обиделся, но не таков был Вадим Щукин. Вымучив на своём лице ещё одну улыбку, он продолжил разговор:

– Скажи, ты не собираешься подумать о замужестве?

Он постарался придать своим словам шуточный тон, но у него не получилось. Совсем. Видимо потому, что он вообще не привык шутить. Это, как говорится, не его стиль.

Полина рассмеялась.

– Жениха нет. Вот ты, например, совсем не подходишь.

– Почему?

– Слишком вырастут кредитные ставки. Не справишься.

Щукин недовольно вздохнул. Он понял, что продолжать разговаривать с этой девчонкой серьёзно сейчас совершенно бессмысленно, а быть остроумным не умел.

– Ну ладно, не будем об этом, – только и сказал он.

А потом добавил, поправив очки и проведя ладонью по волосам:

– Что-то действительно жарко...

Полина с улыбкой вспомнила «удачную пару». А что, в самом деле, может быть, они и выглядели бы со стороны удачной парой, если бы не переваливались с ноги на ногу как варёные раки?

Внезапно девушка наткнулась на незнакомый, но внимательный взгляд и в то же самое мгновение обладатель этого взгляда понял, что Полина обнаружила его интерес. Он улыбнулся и чуть-чуть, самую малость, приподнял свой бокал. Полина, вздёрнув носик, отвернулась, но заинтересовалась. Её кольнула мысль, что где-то она этот взгляд уже видела. Или это свойство любого пристального взгляда? В мелькании огней Полина плохо разглядела незнакомца, но одно стало ясно: человек этот хоть и был примерно одного с Щукиным возраста, производил он совершенно противоположное впечатление. По крайней мере, с точки зрения Полины.

Музыка смолкла. Девушка молча отпустила своего кавалера и быстро юркнула за столик. Щукин несколько секунд задумчиво стоял, словно застыл, а потом тоже сел. К этому времени Костя уже взбодрился, но только для того, чтобы очередным глотком пива прямо из банки вернуть себя в сонное состояние. Глотнув, он достал свой неизменный нож с выкидным лезвием и от нечего делать начал щёлкать им. Ковец выбил трубку в пепельницу и полез в карман брюк за кисетом.

– Вадим, выпьем? – предложила Полина.

– С удовольствием.

Щукин тотчас налил себе шампанского. Полина отсалютовала ему бокалом и чуть пригубила вино. А Щукин хватанул сразу весь бокал, и тёплое шампанское заставило его сморщиться в гримасе отвращения. Но он был рад ответить на любой, даже самый незначительный и бессмысленный знак внимания со стороны Полины.

Вновь заиграла музыка.

Щукин решил продолжить топтание и даже сделал попытку встать, но перед девушкой внезапно, как говорится «вдруг откуда ни возьмись», появился другой кавалер. Это был тот самый шатен с честным взором, который так пристально следил за Полиной во время предыдущего танца. В неверном свете ресторана, впрочем, цвет волос трудно было определить наверняка, но не называть же приятного человека брюнетом?

– Вы позволите пригласить вашу даму? – спросил кавалер у Альберта Сергеевича, безошибочно вычислив его, как старшего по положению.

– Ради Бога! – улыбнулась Полина, быстро поднимаясь с места.

Ковец согласно кивнул.

Кавалер подал Полине руку и повёл за собой на танцпол, а уязвлённый Вадим Щукин тем временем упал обратно на стул и холодно посмотрел в спину удаляющегося соперника.

– Это что за явление? – недовольно пробормотал он, наполнил бокал и быстро опорожнил его.

Вместе с тёплым вином накатила волна липкого воздуха. Стало невыносимо противно. Щукин осторожно оторвал прилипшую рубашку и подул вниз, к животу. Результата это не дало никакого. Вадим отпустил рубашку, и ткань вновь прилипла к телу.

– Не пора ли нам на свежий воздух? – спросил он, обращаясь к Альберту Сергеевичу.

Тот как раз раскуривал трубку. Не отрываясь от этого занятия, он молча кивнул и выдул облако дыма.

– Пора. Подождем Полину.

– Я вот как раз хочу поговорить о ней, – продолжил Щукин, взглянув на танцующих.

Неизвестный кавалер бережно вёл девушку и что-то шептал ей на ухо. Она смеялась. Она танцевала с удовольствием. Это было видно невооруженным взглядом и очень не понравилось Вадиму Щукину. Раздражение, как каша на масле, было густо замешано на полном непонимании. Что ей нужно? Какими достоинствами необходимо обладать, чтобы покорить её? Деньги? Так у него вообще нет понятия о количестве денег – они у него просто размножаются делением, как инфузории. К тому же он не какой-нибудь идиот вроде Обухова, у него серьёзный бизнес и, между прочим, бизнес этот он имеет на пару с её отцом. Что же ещё? Покой семейной жизни? Сомнительно, чтобы она думала о семье, но, в общем, он был уверен, что сможет обеспечить и это... А, может быть, ей понадобилась любовь? Сильное, всепоглощающее чувство? – Щукин даже поморщился невольно, – глупости! Любовь – это фикция. Есть только привязанность, а она появляется сама собой, со временем. И потом, вы только посмотрите на эти игры! На эти бесконечные порхания! Куда уж тут до любви, хотя бы влюблённость какая жиденькая появилась...

– Я слушаю, Вадим, – прервал желчные измышления Щукина заинтригованный Ковец. Всё, что касалось дочери, чрезвычайно волновало Альберта Сергеевича.

Щукин перевёл взгляд с танцующих на Альберта Сергеевича.

– Альберт, может быть это и не моё дело, но мне кажется, что Полина уже выросла...

– Да ну? – усмехнулся Ковец.

– Я имею в виду, что она уже взрослая девушка, почти невеста, а ведёт себя как ребенок, – пояснил Щукин, недовольный шуткой, и кивнул в сторону танцпола. – Это может плохо кончиться.

– Не преувеличивай, Вадим. Пускай резвится. Ей скоро в институт.

– Вот об этом я и хочу поговорить, – подхватил Щукин, – мне кажется, Полине надо учиться где-нибудь в Европе. Швейцария, там, или Франция.

– У неё английский язык.

– Тем более. Значит в Англии... Понимаешь, не место ей в Москве. Я уже говорил ей. Здесь, как на бойне, грязно и опасно... И потом, разные нежелательные знакомства! Это может плохо кончиться.

– Вадим, – недовольно проговорил Альберт Сергеевич, – к чему ты? У Полины какие-то проблемы?

– Я бы не сказал, – как-то уклончиво ответил Щукин. – Но...

В это время музыка стихла, внезапный кавалер что-то сказал Полине с улыбкой и исчез в неизвестном направлении, а сама девушка направилась обратно к столику.

– Давай-ка потом продолжим, – быстро сказал Щукин.

И почти сразу к столику подошла Полина.

– Фу! Я сейчас просто умру. Как вы здесь сидите?

– Из последних сил, – подал вдруг голос расплывшийся по стулу Костя, но продолжение темы не последовало, ибо в этот момент банную атмосферу ресторана нарушило появление трёх человек. И дело не столько в том, что появление это оказалось шумным и отвлекло на себя

внимание, сколько в маршруте вновь появившихся – они направились напрямик к столику наших героев. Да, видимо, судьбе было угодно выпустить на авансцену сразу всех действующих лиц, прежде чем что-нибудь в этой истории случится.

Полина первая заметила вошедших, махнула им приветственно рукой и воскликнула: «А вот и Боря!».

И то верно. Самым замечательным среди них, безусловно, был Боря Тугаринский – человек огромных размеров. Он не был толстым. Ни в коем случае. Таких людей нельзя назвать толстыми. Тугаринский был именно большим. Более того, природа, видимо, не захотела на этом останавливаться, и наделила его к тому же мощным голосом. Голос очень гармонировал с его внешним видом и время от времени заставлял вспоминать легенду об иерихонских трубах. Одним словом, этого человека невозможно было не заметить. Казалось, что он занимает всё пространство сразу, причём независимо от его площади. Облачённый в белые брюки, пёструю рубашку и великолепную капитанскую фуражку, которая была ему мала, Тугаринский сам напоминал большой круизный лайнер. Причём во время карнавала на его борту. Дополняли картину шлёпанцы на босу ногу и бронзовая от загара кожа. Всё выдавало в нём южного человека, ибо для того, чтобы так загореть, надо прожить всю жизнь у моря. Так оно и выходило: Боря Тугаринский был то ли бандитом, то ли бизнесменом с Одессы. Его знали почти все в этом приморском городе и уж наверняка все, включая капитана, на круизной «России». Так что чувствовал себя Боря тут вольготно и даже где-то по хозяйски.

Тугаринского сопровождала невысокая женщина с огромными глазами. У неё были чудесные светлые волосы, но она решительно не производила никакого впечатления – она попросту терялась в тени большого человека. А её глаза с восторгом смотрели на Тугаринского.

Третьим был юркий чернявый парень. Все звали его просто Гарик и он так привык к этому, что все остальные свои паспортные данные считал малозначительными. Гарик ни на шаг не отходил от Тугаринского и готов был выполнить сию же секунду любое его желание: сбегать, там, за шампанским или пристрелить кого-нибудь.

Одним словом, как только Полина подала голос, большой Тугаринский застыл на секунду, приглядываясь, а потом расплылся в улыбке и его могучий бас ухнул, перекрыв музыку и заставив девочек из кордебалета вздрогнуть и сбиться с ритма:

– Полина!

Величаво покачиваясь, Боря тронулся по направлению к столику. Альберт Сергеевич вздохнул, смирившись с неизбежным, а Щукин как-то болезненно поморщился. Зато Полина сияла вовсю. Через минуту на присутствующих пахнуло жаром, и к столику причалил Тугаринский. Он с сомнением оглядел их с высоты своего внушительного роста.

– Только не говори мне, Полина, что тебе тут весело и хорошо. Так хорошо, – Боря сделал ударение на слове «так», – бывает только в бане, но там ни к чему надевать шмотки и потеть в них, как последние поцы... Кстати, добрый вечер Альберт Сергеевич и тебе, Вадик, привет. Костя не спи.

Тугаринский обрушился на компанию подобно тому, как пустынный самум обрушивается на караван, смешивая в беспощадном вихре товар, рабов и добрых магометян с их верблюдами.

– А правда, – согласилась Полина, – чего сидеть в этой духоте? Пойдёмте к бассейну.

– Альберт Сергеевич? – проснувшийся Костя вопросительно глянул на Ковца.

– Идите, – ответил тот. – Я ещё посижу и присоединюсь к вам.

Полина вскочила из-за стола, вслед за ней поднялся Костя, и они двинулись на открытую палубу за Тугаринским. Недовольно, с кряхтением, встал Щукин.

– Пожалуй, действительно надо проветриться, – сказал он и тоже пошёл.

Тащиться на открытую палубу ему пришлось в одиночестве, и по дороге он в который раз подумал, а нужно ли это всё ему? И в который раз пришел ко мнению, что нужно и даже весьма. Многочисленные перспективы таились в этой девчонке.

А на сцену снова выполз конферансье, похожий теперь на лягушку Кермита из «Мuppet-шоу» и объявил:

– У нас в «Москве», – пауза и доверительный голос, – я, конечно, имею в виду этот ресторан, – пауза и голос по нарастающей, – специально приглашённая звезда, всеми любимая Эльвира!

На этом месте зал должен был бы взорваться аплодисментами, но не взорвался. Лишь Альберт Сергеевич замер, не отрывая глаз от эстрады. А там появилась молодая женщина в чёрном платье с открытыми плечами. Она подошла к микрофону и лучи трёх прожекторов высветили её стройную фигуру... А глаза! Альберт Сергеевич был совершенно уверен в том, что в её печальных тёмных глазах могло отразиться всё Средиземное море... Эльвира отыскала его взглядом, чуть-чуть улыбнулась уголками рта – Конец точно это заметил и запела.

Когда ссутулившийся Щукин поднялся на одну палубу вверх и оказался на открытой кормовой площадке, вся компания уже деловито располагалась в плетёных креслах у самого бассейна. Тугаринский грохотал у стойки бара с дебильным названием «Матрёшка». Маленькая женщина с наивными глазами по имени Вика молча смотрела на него. Гарик крутился вокруг, увлеченно исполняя роль гарсона. Он быстро и ловко переправлял бокалы со всевозможными напитками Полине и Косте, обсуждавшим что-то с видом заговорщиков. Костя криво улыбался, а Полина, напротив, была совершенно серьёзна.

Всё это Щукин охватил беглым взглядом, без особого удовольствия подходя к сидящим и присматривая место себе. Бассейн, так бассейн.

– Советую попробовать коктейль «матрёшка». Потрясная вещь, – отрекомендовал внезапно появившийся около Вадима Обухов. – В натуре, как авиационное горючее. Включает полный форсаж. Фирма гарантирует.

Вадим как-то странно посмотрел на Обухова и молча двинулся к стойке бара. Бармен – прилизанный малый в белой рубашке с бабочкой – передал два последних бокала Гарику и вопросительно посмотрел на Щукина.

– «Матрёшку», – махнул тот рукой и тяжело навалился на стойку.

Бармен понимающе кивнул и принялся колдовать с какими-то стопочками, мензурочками и прочим своим хозяйством. Щукин с ужасом наблюдал, как одна за другой мелькали бутылки: коньяк – водка – ликёр – опять водка. А потом в руках бармена зловеще блеснул тонкий острый нож. Ловким движением он срезал пробку с бутылки сухого вина и через минуту перед ошалевшим Вадимом стоял высокий бокал с жидкостью весьма подозрительного цвета, обильно пахнущей миндалём. Но больше того – вся эта квинтэссенция алкогольного пристрастия человечества горела синим пламенем.

– Это можно пить? – с сомнением в голосе спросил Вадим.

– Конечно, – невозмутимо заявил бармен. – Кофе будете заказывать?

– Буду.

В какой-то момент коктейль перестал пугать в общем-то непьющего Щукина и в душе его установилось психологическое равновесие. Во всяком случае, так ему показалось. Вадим решительно взялся за бокал и не раздумывая опрокинул добрую половину коктейля.

– Вас считать вместе с остальными? – спросил бармен.

– Нет, – поспешно ответил Щукин, – меня отдельно.

Бармен не стал возражать, а только перевёл взгляд на сидящих в креслах. Ни на секунду при этом не изменяя флегматичного выражения своего лица.

– Господа, кофе кто заказывал? – крикнул он, возя небольшие джезвы в раскалённом песке. – Кофе стынет!

Между тем здесь, на верхней палубе, гулял во всю прекрасный освежающий ветерок, и после удушающего ресторана это казалось райским наслаждением. Тем более, что и людей около бассейна было немного – все, кто ещё не спал на этом теплоходе, наслаждались танцами в ресторане. «Россия» шла довольно бодро, но необозримое пространство вокруг напрочь поглощало это движение. Наоборот, невольно казалось, что она навеки застыла посреди вселенной под крупными сочными звездами, которых не могли затмить даже огни иллюминации, и что никогда больше пассажирам «России» не суждено будет увидеть берега. Впрочем, едва ли эта красивая до безысходности мысль пришла в голову хоть одному человеку в баре «Матрёшка». Здесь всё было проще и жизнерадостнее: ровно, как будто гонимый огромными вентиляторами, дул тёплый ветер и мерцал бирюзовый квадрат бассейна под ногами, притягивая к себе внимание, а где-то за ним продолжалась ещё деревянная палуба, обрывавшаяся затем в мягкую пустоту.

Тугаринский не мог сидеть спокойно. Он развлекал всю компанию, наслаждавшуюся свежим воздухом, рассказами о каких-то бандитах в Нью-Йорке и их похождениях на Брайтоне. Рассказывал он с удовольствием и невероятно смешно. Причём разобратся, что там было правдой, а что Тугаринский сочинял на ходу, не представлялось возможным. Кстати, если принять в расчет силу баса Тугаринского, можно было сделать вывод, что его слушал весь теплоход.

Полина смеялась, откинувшись в кресле, Обухов кривил и без того обезображенный рот в усмешке, тихая Вика счастливо смотрела на распинаящегося Тугаринского, а Щукин начинал понемногу тускнеть за второй «матрёшкой». Неожиданно, в самый разгар веселья, на палубе появился ещё один человек. Впрочем, неожиданным его появление оказалось только для самой гуляющей компании. Как последнее действующее лицо назревающей трагедии, он просто не мог не появиться именно в этот момент. Кажется, нам уже приходилось подмечать, что высшие силы распоряжаются нашей историей по-своему.

Между прочим фактурой последнее действующее лицо отличалось запоминающейся – небольшой рост, отвислый живот и маленькие бегающие глазки. Одет он был в спортивные штаны и широкую рубашку, а круглое красное лицо сияло от удовольствия всех видеть. Чего нельзя было сказать о лицах остальных участников вечеринки. Звали этого человека Аркадий Дмитриевич Федосюк, и даже одного взгляда на него было достаточно, чтобы догадаться о его уникальной способности нарушать атмосферу любого, даже самого лучшего застолья. Но, тем не менее, Федосюк был хорошо знаком со всеми присутствующими.

Короче говоря, Аркадий Дмитриевич появился и на миг застыл. А потом ловким движением извлёк из кармана расчёску, с любовью пригладил прядь волос, которая старательно прикрывала его блестящую лысину, и лысина от этого ещё больше стала бросаться в глаза. Спрятав расчёску, Федосюк сотворил улыбку на своём лице, развёл руки в стороны и двинулся к Тугаринскому, стоявшему к нему спиной.

– Ага, чудненько, – протянул Федосюк сладким голосом – развлекаетесь. Значит мы вовремя.

Тугаринский прервал рассказ на полуслове и его большое тело как-то по частям, но довольно быстро повернулось на сто восемьдесят градусов. Нацепив свою фуражку, которую он снял в пылу монолога, Тугаринский расплылся в улыбке и сообщил что-то вроде того, что именно Федосюка тут давно уже не хватает. Твердая рука шлепнула Аркадия Дмитриевича по плечу, и тот моментально оказался в кресле. Сев, он тут же потребовал спичку – у него была не очень аппетитная привычка ковыряться спичкой в зубах. Как ни странно, спичка нашлась у Тугаринского.

А к стойке бара сразу после Федосюка молча подошла высокая крашеная блондинка. Никто толком не заметил, как она появилась. Дама закурила белую сигарету с ментолом, прислонилась к стойке и вперила мутный взгляд в бармена. Несколько мгновений ответного

взгляда на клиентку оказалось достаточно, чтобы опыт подсказал бармену, что надо делать: он ловко шлёпнул на стойку пухлую приземистую рюмку, и в его руке возникла длинная тонкая бутылка «Метаксы». Совершив кульбит, бутылка выдала ровно пятьдесят коньяку и снова исчезла.

– Молодец, дорогуша, – хищно улыбнулась блондинка и без лишней суеты осушила рюмку. – Повтори.

– Лена, организуй-ка и мне, – попросил не оборачиваясь Федосюк.

– Напьюсь, – равнодушно ответила Лена.

Эта дама была спутницей Аркадия Дмитриевича и они, по всей видимости, прекрасно гармонировали.

Тем временем очнулся и Щукин, который уже мало обращал внимания на происходившие вокруг него события. Очнувшись, он немедленно потребовал от Обухова, чтобы тот переправил ему еще одну «матрёшку», получил желаемое, заглотнул весь бокал разом и осоловело глянул куда-то в сторону и вверх.

Тугаринский начал новую байку. Федосюк старательно зачищал спичку, роняя стружку себе на штаны. Гарик, скорчив хитрую морду и невероятным образом тасуя колоду карт, демонстрировал Полине фокусы... И тут девушка вновь ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Подняв глаза, она не без удовольствия увидела давешнего шатена из ресторана. Шатен расположился в кресле по другую сторону бассейна с бокалом в руке и в совершенном одиночестве.

Впрочем, Полина так и не успела толком сообразить, радоваться ли ей этому вниманию со стороны или беспокоиться из-за него, потому что рядом разгорелся пьяный скандал. Скандал разгорелся неожиданный и неприятный, но вполне традиционный. Без подобного скандала, кажется, не может обойтись ни одна приличная вечеринка. Ну, вы, наверное, в курсе. Какой-нибудь гость вдруг вдребезги напивается и все его претензии к окружающему миру выплёскиваются наружу, словно несдержанная за столом отрывка. Гость быстро переходит на личности, его пытаются образумить, но при этом с тихим интересом наблюдают за развитием событий. В лучшем случае скандалист засыпает на полуслове. В худшем – его бьют, и он опять-таки засыпает. Утро такого человека мучительно и полно запоздалого раскаяния. Друзья хлопают его по спине и говорят, что «всё было нормально, старичок» и «со всяким может случиться», а сам «герой» смущённо улыбается, качает головой и делает вид, что ничего не помнит, повторяя: «о лучших минутах жизни узнаёшь со слов своих друзей». Но невольно закрадывается подозрение, что хватанул он лишнего как раз для того, чтобы расхрабриться и завестись.

Роль такого несчастного в этот вечер выпало играть Щукину, который как-то незаметно накачался «матрёшек», совершенно раскрепостился и решил, что глупо скрывать очевидные вещи.

– Слушай, ну что ты сюда припёрся? – напрямую спросил он Федосюка, совсем не ожидавшего такого выпада. – Кто ты такой, а?

Этот традиционный вопрос, застал Аркадия Дмитриевича врасплох. Он быстрым движением, точно шпагу, выхватил свою расчёску и стремительно причесал лысину.

– Вадим, э-э-э... – протянул он, совершенно не представляя, что ответить на это.

– Ну что ты на меня уставился? – пьяно продолжил Щукин. Взгляд его расфокусировался, глаза были полуприкрыты, а правая рука судорожно вцепилась в ножку бокала, словно его кто-то хотел украсть. – Ну что? Не знаешь, кто ты такой? Да всё ты знаешь! Ты же сюда пришел не просто так! Ты же...

– В чём дело-то? – недовольно проговорил Федосюк.

Лысина его приняла цвет запретительного сигнала семафора.

– Ах, ты не знаешь чём... в чём дело-то?

– Вадим!

– И ты не знаешь, в чём дело-то? – Шукин оглядел всех присутствующих, словно пытался удостовериться, кто же ещё тут не знает «в чём дело-то», при этом бокал дрожал в его руке, а алкоголь, разлившийся по всему телу, заставлял голову чуть покачиваться слева направо. И тут он пришел к неожиданной мысли:

– Вы что, меня за идиота держите?!

Никто из присутствующих и не думал держать Шукина за идиота, а вот его собственный организм наоборот – подвёл своего хозяина. Пытаясь подняться с кресла, Шукин громко икнул, не удержался и осел обратно.

– Всё, готов, – констатировал Костя.

Он, конечно, мог повлиять на события физическим вмешательством, но не хотел в это влезать.

Тугаринский снисходительно улыбался.

– Не бери в голову, Вадим, – сказал он, окидывая бузотёра ласковым взглядом. – Всё утрясётся. Как протрезвеешь, сразу вспомнишь, кто тут такие с тобой сидели.

Шукин попытался усмехнуться, но у него получилось лишь какое-то всхрюкивание. При этом его очки, и так сидевшие на самом кончике носа, окончательно свалились, брякнув об пол. Вадим не обратил на это внимания.

– Одурел что ли от своих «матрёшек»... – проворчал Обухов, подбирая с пола очки.

– Ядрёна-матрёна, – усмехнулся Гарик.

Присутствующие, как-то замаявшись по началу, теперь уставились на Шукина, гадая, чем же всё закончится.

– Да бросьте вы! – вдруг взвился Шукин, найдя нужные слова. – Уж мне-то не надо!... Я-то знаю, кто здесь что задумал! Все кривляются и врут. Все ирз-зворачиваются... Всё не так...

– Ребята, – закончил фразу Гарик.

– Да оставьте вы его в покое. Пусть проспится.

– Нет! – Шукин шарахнул бокалом о палубу, вкладывая в это действие всю свою ненависть. Бокал с визгом разлетелся на мелкие осколки. – Кто здесь ака... адекватен сам себе?!

На слове «здесь» он хотел свой указательный палец направить в сторону всей компании, но не рассчитал малость, и ткнул пальцем в пузо Тугаринского. Бармен за стойкой настороженно замер. Полина, молчавшая всё это время, наконец, не выдержала:

– Вадим! Успокойся. Хватит.

– Полина, Полина, – почти пропел Шукин, переведя взгляд с Тугаринского на Полину. – Хороша Полина, да не малина... Тьфу! – тут он рассмеялся и сразу стал похож на незабвенного фельдкурата Отто Каца. – Вот так живёшь, живёшь, а тебе р-раз по жопе... ик... Пардон.. ик... А мне все равно. По-моему будет и никакой пощады предателям... ик... Чтоб тебя... Я вам всем, гадам, завтра...

– Ну ладно, – со вздохом сказал Тугаринский, – достаточно.

Он небрежно подхватил Шукина и отправил в бирюзовый бассейн. Шукин вошёл в воду почти без всплеска. Мастерски вошёл. Секунду спустя он вынырнул, отфыркиваясь как морж, к нему подошёл невозмутимый бармен и рывком вернул на сушу. Удерживаемый барменом, Шукин повёл осоловевшим взглядом по сторонам. Купание явно не оказало на него благотворного воздействия, он совсем потерялся и уронил голову. Бармен явно не знал, что дальше делать.

– Отведи его на ветерок, – предложил Обухов, – пусть придёт в себя.

Бармен кивнул и повёл покорного Шукина куда-то за светящийся прямоугольник бассейна к корме, где сгрудились шезлонги.

Убедившись, что всё закончилось благополучно, присутствующие расслабились и потребовали у бармена новую порцию спиртного для смягчения неприятного инцидента. Все усиленно делали вид, что так и было задумано, и что Шукин просто произнёс заученную роль.

А минут через пятнадцать появился и Ковец в обществе певицы из ресторана. Ночь окончательно завладела миром.

– Шукина оттранспортировали подышать свежим воздухом. – сообщил Альберту Сергеевичу Обухов. – Он в полной отключке.

Ковец кивнул.

– Альберт, я мёрзну, – тихо сказала Эльвира, повея обнажёнными плечами.

– Прости... Костя!

– Да, Альберт Сергеевич?

– Сгоняй-ка по быстрому в каюту. Принеси мою кофту. Она на кресле лежит. И захватывай Полины. Лови ключи.

Ключ сверкнул в свете иллюминации. Не смотря на количество выпитого, Обухов остался верен своей реакции, и полёт ключа закончился в его руке. Прихватив еще один ключ и у Полины, он отправился выполнять поручение. А тем временем второй человек достиг критической массы спиртного. Как и предупреждала Лена, Федосюк набрал свою норму очень быстро и тут же перебрал её. Он позеленел лицом, и его лысина покрылась потом. Боря Тугаринский отреагировал моментально:

– Э, брат, да ты никак тошнить задумал! – ухнул он на весь теплоход.

Все прервали свои занятия и внимательно посмотрели на Аркадия Дмитриевича. Тот почувствовал себя малость не в своей тарелке и как-то бочком-бочком двинулся вдоль края бассейна к корме, к спасительному борту, за которым было открытое море. Небольшая акватория бассейна явно не подходила ему. Навстречу Федосюку ненароком попался давешний партнёр Полины по танцам. Он остановился, пропустил не вполне конкретного Аркадия Дмитриевича и весело хмыкнул. Потом возобновил своё движение и занял одно из кресел в стороне, ненавязчиво переместившись, таким образом, поближе ко всей компании.

Вечеринка была на излёте. На глазах общество дробилось и раскалывалось. Пришел Костя с кофтой для Эльвиры и шалью для Полины и тотчас уселся рядом с Гарикуй. Полина у стойки что-то говорила бармену, и тот внимательно слушал её, а потом на секунду исчез в подсобном помещении. Ковец тихо беседовал с Эльвирой, осторожно держа её руку в своих ладонях, а Тугаринскому надоело трепаться, и он сидел молча, поглядывая куда-то за борт. Лена продолжала бесхитростно нагружаться спиртным, а когда вернулся оживший и посвежевший Федосюк, всем стало очевидно, что пора расходиться по каютам. Запас энергии исчерпан. Настало время отдыхать.

Первым ушел Тугаринский.

– Пора нам в кроватку, мышка, – сообщил он Вике голосом Левитана и увёл её в темноту окружающей бассейн палубы.

Бармен принялся демонстративно расставлять чистые бокалы, повернувшись к стойке спиной. Минут через десять затушила сигарету Лена. Подхватив зажимавшего Федосюка, она кисло попрощалась и продефилировала с ним к выходу с палубы. Ковец проводил их взглядом, вздохнул и негромко предложил уходить всем оставшимся. Словно ожидая этого приглашения, компания поднялась с мест.

– Слушайте! – остановилась вдруг Полина. – А этого-то, Вадима, мы забыли. Он ведь там мокрый сидит.

– Да он спит, – буркнул Обухов.

– Простудиться, – протянул Гарик, пряча колоду карт в карман.

– Вряд ли. Пьяный ведь.

– Я пойду разбужу его, – решительно сказала Полина.

Она быстро пошла вдоль бассейна, закутываясь на ходу в необъятную шаль. Её фигура плавно двигалась сквозь сияние, исходящее от бассейна, к черноте за кормой. Там, на границе с этой чернотой, на верхушке флагштока сиял топовый огонь и ничего не освещал – он был

направлен в пустоту. Но вот шаль приблизилась к одинокой неподвижной фигуре, лежащей в шезлонге у самого борта, и наклонилась над ней.

– Спал бы себе, – проворчал Костя. – Теперь тащи в каюту, раздевай, блин...

Ночь. Теплоход. Бархатное небо над Эгейским морем. Тихая умиротворяющая картина. И словно бы в насмешку над этой картиной – вдруг! – короткий женский крик. Все замерли. Смешанное чувство изумления и беспокойства застыло на лицах присутствующих.

И тут произошло самое неожиданное: первым на крик среагировал любитель танцев, Полинин шатен из ресторана. Его пружинистое тело буквально взлетело из кресла, и он в несколько прыжков оказался рядом с Полиной. Девушка не сводила ошарашенного взгляда с тела Вадима Щукина. В том, что это было только тело, а не живой человек, сомневаться не приходилось – под сердцем, прямо из мокрой рубашки, торчала рукоятка ножа. Крови почти не было.

– Ну, дела... – протянул шатен, почесал затылок и пошёл прочь.

Вот таким образом в четверть второго ночи и появился в нашей истории первый мертвец.

2. Кто бы мог подумать? (ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ).

Виктор Андреевич Балабанов спал глубоким сном и даже не подозревал, какие неожиданные события начали разворачиваться на теплоходе «Россия». Он негромко посапывал, безмятежно уткнувшись в подушку, и воплощал в эти минуты мечту об абсолютном счастье – ничто не тревожило Виктора Андреевича. Даже сновидения. Их просто не было. Видимо, глубокий сон без сновидений – это единственные мгновения счастья человека. Но во втором часу ночи Балабанова разбудил настойчивый стук в его каюту. Протрав глаза, он встал и с ворчанием отправился открывать дверь. За дверью оказался помощник капитана Дубинин, чем-то чрезвычайно встревоженный и очень недовольный. Балабанов сонно сощурился, и уже собрался было возмутиться, но Дубинин заговорил первым:

– Давай, Витя, собирайся быстрее. Там, у «Матрёшки» пришили кого-то, Овсянник уже ждёт.

Один глаз у Виктора Андреевича закрылся, и он сощурился от этого ещё больше.

– Охренели, что ли? Два часа ночи...

– Ты что, не понял? Я же тебе говорю – убийство произошло на корабле. Капитан тебя ждёт. Давай, собирайся и дуй к бассейну.

С этими словами Дубинин, так и не зайдя в каюту, захлопнул дверь. Балабанов постоял ещё немного, задумчиво почёсывая голову и глядя на закрытую дверь, словно в ней было всё дело, а потом вздохнул и принялся собираться.

Дело же было, естественно, не во входной двери каюты, а в том, что Виктор Андреевич состоял на этом круизном лайнере в должности начальника службы безопасности и обязан был, чего уж скрывать, реагировать на все поступающие сигналы относительно нарушения общественного порядка. Но не реагировал. Нельзя сказать, чтобы Балабанов был человеком ленивым или некомпетентным, нет, просто в таком месте, как круизный лайнер «Россия», ничего из ряда вон выходящего не происходило. Самым серьёзным происшествием на памяти Виктора Андреевича была пьяная драка одной подвыпившей туристки с каким-то холёным молодым человеком, решившим провести с ней ночь. Неизвестно, что уж там у них тогда произошло, но она на полтеплохода орала не своим голосом: «Говно ты, а не новый русский!» и пыталась зарезать его своими маникюрными ножницами. Молодой человек почему-то принял всерьёз это обвинение и обиделся. Пришлось вмешаться и утрясти конфликт. Ничего более существенного не происходило, да и не могло произойти, по глубокому убеждению Балабанова, ибо «Россия», как и любой крупный круизный лайнер, был похож на солидный отель: люди здесь отдыхали. Даже самые кровожадные и опасные.

И вдруг – на тебе! Ни драка и ни конфликт, а убийство! Не дай Бог ещё и преднамеренное. Нет, пока Виктор Андреевич сам своими глазами не увидит всё, ему будет трудно осознать происшедшее до конца.

Балабанов с недовольным ворчанием облил голову холодной водой, чтобы окончательно проснуться. А проснувшись, нацепил рубашку, костюм и вышел из каюты, приглаживая на ходу ладонью свои жиденькие волосы. Поднявшись лифтом на палубу «Променад», он быстрым шагом пересёк её и поспешил к кормовой части. Стук его шагов тонул в мягких объятиях ковровых покрытий и не тревожил обитателей погрузившегося в сон теплохода. Пройдя коридор почти до конца, Балабанов поднялся по лестнице и оказался под открытым небом на кормовой площадке палубы «Бутс», где и располагались бассейн с баром «Матрёшка». Там его уже ждали.

Картина перед глазами Виктора Андреевича Балабанова предстала впечатляющая, вполне достойная завязки хорошего детективного романа – покойник, звёзды и обволаки-

вающая всё тишина. Участники открывшейся картины располагались следующим образом: Полина сидела у стойки бара, опустив голову, и еле заметно теребила пальцами уголок накинутой на её плечи шали. Она казалась сильно напуганной. Её взгляд, недавно столь озорной и весёлый, потух, и не плакала она, может, лишь оттого, что шок после случившегося ещё не прошел. Рядом с Полиной стоял Альберт Сергеевич Ковец. Хмуро глядя куда-то в темноту, простиравшуюся за бортом, он курил трубку, и дым над его головой уносился ветром вверх и в сторону. Он выглядел спокойным, но напряжённым. Чуть поодаль от Ковца облокотился о стойку бара Костя Обухов. Он тоже выглядел спокойным, но это шло скорее от усталости и равнодушия. Видимо, время, проведенное среди людей не особенно ценивших человеческую жизнь, отучило его задумываться и сопереживать. Кроме того, двое сидели в плетёных креслах напротив стойки – Эльвира, укутавшаяся в кофту Альберта Сергеевича и не сводившая глаз с бирюзового квадрата бассейна, как будто она боялась взглянуть на присутствующих, и Гарик. Этот, возложив ногу на ногу и закулив сигарету, просто с интересом ждал продолжения. Почти незаметный за спинами остальных бармен сидел за своей стойкой и нервно курил, тупо глядя в пол. Рука его дрожала. Он был напуган по-настоящему. Во всяком случае, он не скрывал этого. А в стороне, рядом с бассейном, лежал труп Вадима Щукина и из груди его зловеще – словно укор всем присутствующим – торчала рукоятка ножа. Никто не желал смотреть в ту сторону.

Дополняли же картину главный врач корабельного госпиталя и капитан Овсянник. Они о чём-то тихо разговаривали и в полнейшей тишине этого трагического момента были единственными людьми, которые издавали хоть какие-то звуки. «Ну, дела!» – подумал Балабанов, и подумав таким образом, замкнул умозрительный круг действующих лиц этой невольно складывающейся драмы. Помнится, точно такую же фразу произнёс Полинин шатен из ресторана, когда первым среагировал на её крик. Впрочем, подумав «ну, дела», Виктор Андреевич Балабанов имел в виду совсем другое. Просто для него теперь стало совершенно очевидно, что ничего хорошего ближайшие дни не принесут.

С другой стороны, когда наш детектив появился на месте происшествия и молча окинул его оценивающим взглядом, все, кто находился здесь (за исключением, разумеется, Щукина), так же молча посмотрели на него и увидели перед собой худого лысеющего человека небольшого роста с задумчивым взглядом и замечательно лопоухого. Такое противоречие между взглядом и ушами создавало впечатление исполнительного трудяги, не очень удачливого, но честного и упрямого.

Между тем, капитан Овсянник прервал беседу с врачом, размеренным шагом подошёл к детективу, взял его под локоть и увлек за собой.

– Б-боюсь, что у нас неприятности, Виктор Андреевич.

– Хороши неприятности, – проворчал Балабанов, глядя на распластанный у бассейна труп, – представляю, какой будет скандал.

– Никаких с-скандалов, – отрезал Овсянник и переадресовал Балабанова главному врачу госпиталя: – Павел Самуилович, в-введите Виктора Андреевича в курс дела.

– В общем, сказать можно немного, – вздохнул Павел Самуилович. – Смерть наступила в течении прошедшего часа, но точное время установить пока трудно. Он успел посидеть на ветру, а перед этим, видимо, побывал в бассейне... Причиной смерти без сомнения является проникающая рана в область грудной клетки, в результате которой было задето сердце. Смерть была мгновенной... Что еще? Других ранений на теле очевидно нет.

– Терпеть не могу крови, – проворчал Балабанов.

– В-валерий Андреевич, я попросил бы вас очень серьезно подойти к этому п-происшествию.

– Нет, я просто имел в виду, что если вытащить нож из груди, то должна пойти кровь. А?

– А мы не б-будем вытаскивать нож.

– Но это моя основная улика...

Балабанов посмотрел на врача.

Тот отрицательно мотнул головой.

– Из этой груди никакая кровь не пойдёт.

– Поступайте, как знаете, – сказал обоим капитан, – но не забывайте, что у нас очень мало времени. Сегодня в-во второй половине дня «Россия» пребывает в Пирей и до этого времени мы должны прийти к к-какому-то решению.

– Хорошо бы.

– И е-еще. Знать о том, что случилось, не должен никто кроме свидетелей п-происшествия, нас с вами и Д-дубинина. Он сейчас придет сюда. Я его отправил за носилками.

Овсянник и Балабанов подошли к бару, где оставались все свидетели. Капитан вздохнул, сцепил руки за спиной и оглядел присутствующих.

К слову сказать, капитан «России» оказался чрезвычайно колоритной личностью. Он полностью соответствовал представлению о капитане большого корабля – высокий, крупный человек под пятьдесят, с аккуратно подстриженной бородой и суровым взглядом. Белый китель, в котором он всегда появлялся, был словно изобретён специально для него. Движения капитана были неторопливы, а голос убедительно низким. Только две вещи не вписывались в этот образ: Овсянник курил не трубку, а крепкие сигары и слегка заикался.

– Г-г-господа, – сказал он, – вы все прекрасно понимаете, насколько неприятное событие произошло. Я считаю вас свидетелями этого т-трагического происшествия и прошу оказать всяческое содействие нашему м-маленькому расследованию. Виктор Андреевич по моей просьбе постарается прояснить ситуацию... М-может быть, кто-нибудь хочет поговорить со мной приватно?

Ответом капитану было полнейшее молчание. Видимо поговорить с ним приватно никто не хотел.

– Х-хорошо, – вздохнул Овсянник, вытащил из внутреннего кармана кителя часы-луковицу на золотой цепочке и щёлкнул крышкой. – В в-восемь часов прошу всех собраться у меня.

С этими словами он покинул место происшествия и все присутствующие, которых Овсянник поименовал свидетелями, молча воззрились на Балабанова в равнодушном ожидании.

– Ну что же, – сказал Виктор Андреевич, – давайте для начала вспомним всё, что происходило здесь этой ночью.

– Вы нас будете допрашивать? – тут же вставил Гарик.

– Обязательно.

– Может быть, нас ещё и арестуют? Это было бы очень интересно. Провести отдых под арестом...

– Послушайте, – недовольно вздохнул Балабанов, – если ситуация не прояснится, то капитан будет вынужден сообщить обо всём случившемся в соответствующие органы и расследованием займётся полиция, ну, скажем, итальянская. Каким будет ваше положение тогда?

– Угрожаешь? А ты кто такой?

– Незачем повторять несколько раз, – с неприязнью взглянул на Гарика Альберт Сергеевич. – Мы расскажем всё, что знаем, только...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.